

ОСТЕКЛЕНИЕ

ДЕНИС

АЛИМОВ

18+

Денис АЛИМОВ

Остекленевшие

«Автор»

2026

Алимов Д.

Остекленевшие / Д. Алимов — «Автор», 2026

Дмитрий и его старшая сестра Светлана отправляются в небольшой провинциальный городок. Там им предстоит посетить судебное заседание, где будет решаться вопрос насчет продажи деревенского дома, доставшегося от умершей бабушки. В дороге они начинают замечать странности, которые впоследствии перерастают в нечто большее.

© Алимов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Ars Praeludium	5
II. Ars Errandi	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Денис Алимов

Остекленевшие

I. Ars Praeludium

— Вот же дятел! — Светлана пригрозила кулаком, но тот, кому адресовался жест, скрылся за поворотом.

Тогда она решила выплеснуть свое негодование на брата. Дима загодя учуял ее намерения и попытался сделать невинное лицо.

— Твоя Иришка, ах, прости, Ирина Борисовна, — презрительно уточнила она, — совсем с головой не дружит? Это надо додуматься такого идиота тебе подогнать!

— Да че ты начинаешь? — Дима насупился. — Зато бесплатно. И не на забитом автобусе. Ты хотела ехать на машине, вот Ира и предложила вариант.

— Дело было не в бобине, идиот сидел в кабине, — передразнила Света. — Вот скажи мне, насколько надо быть полудурком, чтобы пойти на обгон по встречке, да еще и перед пригорком?! Ты в курсе, что секунда-другая, и тот грузовичок нас бы раскатал? И мы сейчас не в суд ехали, а на кладбище!

Сестра злилась, и успокаиваться не собиралась.

— Опять я виноват? Вечно ты так! Раз такая умная, могла бы сама решить с поездкой. Так нет, скинула это на меня. Автобусом ехать ей неохота: толкотня. В такси дорого! Самый нормальный вариант для нас нашел и обязательно нужно было все обломать!

— Ты дурак? Не слышишь меня? — Света посмотрела на младшего брата испепеляющим взглядом. — Этот мужик нас чуть на тот свет не отправил!

— Но не отправил же! Подумаешь, чуть разошелся дядька, мы и так за тем корытом плелись хрен знает сколько, вот он и решил обогнать. Ты сама талдычила, что опаздывать нельзя! Он и захотел поскорее довезти.

— Поскорее уже не выйдет, — Светлана поглядела на пустую дорогу: ездили тут не часто.

— А зачем было орать на водилу и просить нас высаживать посреди жопы мира? — не преминул поддеть сестру Дима.

— Лучше так, чем размотаться, — фыркнула она, а следом прибавила более уравновешенным тоном. — У тебя расписание автобусов есть?

— Что, передумала? Теперь тебя не бесит толкотня?

Сестра ничего ему не ответила. Дима тоже не стал продолжать перепалку и полез смотреть в телефоне расписание. Им повезло, и автобус должен был подъехать в течение получаса, а ближайшая остановка располагалась как раз за поворотом.

Подняв свои вещи (у Светы была сумка через плечо, а у ее брата рюкзак), они зашагали в направлении остановки. Дорога проходила через лес — почти вплотную подступали дряхлые ели, многие из которых болели и местами успели порыжеть. Попадались и мертвые деревья, сухие и кособокие.

Внизу, между стволами проглядывал грязный снег — апрель с мартом, хоть и выдались необычайно теплыми, через плотные хвойные кроны солнце недостаточно прогревало.

Зато дренажная канава, тянущаяся вдоль дороги, была заполнена талой водой. А заодно всяким хламом: пустыми бутылками с выцветшими этикетками, пакетами, поломанными ветками и прочим.

От нечего делать Дима шел и разглядывал все это многообразие, стараясь лишний раз не привлекать внимание сестры. Та тащила впереди и ни на что, кроме дороги, не отвлекалась. И продолжала злиться.

Дмитрий для себя решил, что пока не сядут в автобус к ней лучше не лезть.

Добрались минут за пятнадцать — Света шагала не торопясь, а брат побаивался ее обгонять.

Остановка выглядела плачевно: это был короб, сваренный из металлических листов, внутри которого отыскалась лавочка и куча мусора. Запах стоял соответствующий, и, похоже, сюда наведывались не только дожидаться транспорта.

Светлана, обычно к таким местам относящаяся с нескрываемым отвращением, к удивлению брата, зашла и, не побрезговав, присела.

Дима предпочел остаться снаружи. Компанию ему составил сиротливый дорожный знак, вбитый рядом, но уже успевший завалиться набор.

Ждать пришлось долго — по-видимому, транспорт запаздывал.

— И где наш автобус? — нарочито громко поинтересовалась Света, потеряв терпение.

Голос, донесшийся из железного короба, преобразился, сделавшись грубее и зычнее.

— Спроси чего попроще, — пробубнил себе под нос Дима, чтобы сестра не услышала.

Однако та рассчитывала на ответ и повторила свой вопрос.

— Ты там оглох? — сварливо добавила она.

— Я тебе показывал расписание. Сама видела время прибытия. Мне откуда знать, когда автобус доедет?

— Понятно все с тобой, — проворчал короб.

Ожидание растянулось еще на полчаса, прежде чем на дороге показался долгожданный транспорт.

Света, слышав шум двигателя, выскочила и стала вглядываться в полосу растрескавшегося, изрытого выбоинами асфальта. По нему, неспешно переваливаясь по неровностям, двигался издававший и лучшие времена автобус, покрытый придорожной грязью.

Когда он подкатил к остановке, сделался виден изъеденный ржавчиной борт, изобилующий многочисленными дырами. Сквозь пыльные окна ничего нельзя было разглядеть.

На все это Света покосилась с нескрываемым недовольством, и Дима даже заподозрил, что она откажется садиться. Но как только у автобуса раскрылись передние двери, сестра, не раздумывая, устремила к ним. Следом засеменил Дмитрий.

Забравшись, они сразу же были окликнуты водителем, который потребовал плату за проезд. Это был исхудалый мужчина с прокуренным лицом — его седые усы под носом окрасились в темно-желтый.

Заплатив, прошли по салону. Внутри было немного людей, и ни о какой толкотне речи не шло. В изобилии наличествовали свободные места. Света выбрала ближайшее, расположенное у окошка.

Дима же, будучи не уверен, стоит ли занимать сиденье рядом с сестрой, от греха подальше уселся прямо за ней — там как раз имелось свободное местечко. Расположиться, правда, пришлось бок о бок с какой-то женщиной, закутанной в бежевое пальто. На коленях у нее стояла пузатая сумка.

Автобус тронулся и потащился по ухабам. Ехали медленно, изредка подбирая и высаживая пассажиров на выделенных для этого остановках.

Поскольку наблюдать через запыленное стекло за проносющимся пейзажем было практически невозможно, Дима заскучал. От нечего делать принялся вспоминать о деревне — ведь именно из-за деревенского дома они с сестрой были вынуждены переться за сотни километров в провинциальную глубинку.

Ребенком он провел два или три лета в гостях у бабушки. Это были приятные воспоминания. Целая эпоха. Вспомнились друзья с соседних хозяйств: Леха, Тоха, Валера.

Хотя, насколько ему запомнилось, они предпочитали, чтобы их называли по кличкам. Леха был Сказочник, Валера именовался Тайгой, а Тоха — а вот Тохино прозвище он запомнил.

Своей кличкой Дима так и не обзавелся, хотя каждые летние каникулы друзья пытались выдумать что-то броское. Но ни одна так и не прижилась.

Те дни были наполнены приключениями: пацаны постоянно норовили сообразить нечто этакое, порой граничащее с хулиганством. Один раз они даже убегали от дедка с ружьем, который поймал их на краже аккумулятора из сарая. Леха-сказочник потом обрызгался кислотой, когда разбивали свой трофей, чтобы достать и выплавить свинец.

Впрочем, это являлось скорее исключением, потому как по большей части их заботили вполне мирные дела: рыбалка, грибы, походы на речку, картошка, запеченная в углях, созерцание звезд на ночном небе и всякое такое разное.

Припомнив это, Дима вздохнул: подобное осталось в прошлом. Нынешняя жизнь слишком разнилась с той детской сказкой. Когда-то лето это была целая эпоха, а теперь, как шутила Света, всего лишь три зарплаты.

Погруженный в собственные мысли, он не сразу заметил, что женщина, сидевшая рядом, обратила на него свое внимание.

— Какой хорошенький, — проговорила она нараспев.

Дима сначала подумал, что ему послышалось, и повернулся уточнить, с ним ли она разговаривает. И поймал на себе ее взгляд — смотрела та странно. Наверное, причиной тому являлись глаза: те чудились какими-то уж слишком большими. К тому же зрачки были темными до такой степени, что в плохо освещенном салоне казались черными.

— Что, простите? — робко уточнил он.

— Не местный? — задалась она вопросом и улыбнулась.

Выглядело неприятно: у женщины обнаружились большие выпирающие десны и, словно бы в противовес им, — целый набор мелких зубов.

От увиденного Дмитрий растерялся и даже смутился, понимая, что женщина, скорее всего, заметила, куда он уставился. Но нет — она ничуть не изменилась в лице и продолжала смотреть на него, ожидая ответа.

— Не местный, — нерешительно заверил он ее.

— На галчонка похож, — взгляд незнакомки сделался влажным. — Такой хорошенький.

Сказанное еще больше смутило Диму, и, кажется, на щеках у него заиграл румянец: не слишком часто ему делали комплименты, особенно в подобной недвусмысленной трактовке.

— Как зовут? — продолжила напирать случайная попутчица.

Отвечать не хотелось. Это уже считалось знакомством, а какие могут быть знакомства, когда у него имелась девушка, точнее, женщина, причем весьма ревнивая. Тем более с такой странной особой ему совершенно не хотелось сближаться.

В надежде, что сестра слышит их разговор, он покосился на нее, рассчитывая на помощь, но Света, похоже, все еще продолжала злиться и ни на кого внимания не обращала.

Задав вопрос, женщина продолжила улыбаться, не отрывая глаз.

— Меня зовут Дмитрий, — капитулировал он.

— Очень приятно. Маргарита.

Та на мужской манер протянула руку, рассчитывая на рукопожатие. Кисть у женщины тоже была не совсем обычной: узловатые пальцы, которые почти не отличались по длине. На ногтях остатки лака, под ногтями грязь.

Желания здороваться подобным образом было мало, но и ставить даму в глупое положение тоже. И он скрепил их знакомство рукопожатием.

На ощупь кожа у Маргариты была твердая, шершавая, ладонь мозолистая. Хватка была крепкой.

— И куда же едешь, Дмитрий?

— Мы с сестрой приехали по делам. В деревню к бабушке.

— С сестрой? — другим тоном выразилась она и, моментально догадавшись, устремила свой взгляд на сидевшую спереди Свету. — Почему не сидишь с ней? Поссорились? Не надо, близкие не должны. Иди к сестре. Мне уже пора, у меня остановка следующая.

Желая подчеркнуть сказанное, она обхватила сумку и стала подниматься. Дима, сбитый с толку столь резким поворотом, но все же радуясь, что отделался от неприятной попутчицы, что-то промямлил ей и дал вылезти.

Та, потеряв к нему всякий интерес, пошла в заднюю часть салона, к дверям. Вскоре автобус и вправду притормозил, а Маргарита вышла на ближайшей остановке.

Несколько растерянный, Дмитрий решил подсесть к сестре и, несмотря на перепалку, рассказать ей о случившемся.

— Какая еще женщина? — не поняла она и переспросила (судя по интонации, та практически успокоилась).

— Да сзади тебя сидела вместе со мной. Ты что, не видела?

— Нет, не видела. И что она?

Дима в красках описал ей произошедшее.

— Ты давно Казановой стал? — не поверила Светлана. — Выдумываешь чепуху всякую.

— Да чего я выдумываю? Рядом со мной сидела. Сказала, что я хорошенький. Что на галчонка похож.

— На глиста ты похож, — съязвила она. — Долго еще ехать?

— Откуда я знаю? Нам до конечной же, прямо до автовокзала. Хочешь, спроси у водилы.

— Опаздывать нельзя. Нас ждать никто не будет. А если заседание перенесут, то вообще неизвестно на какую дату, и придется снова ехать.

— А не надо было орать на Ириного знакомого. Мы бы уже приехали.

— Ага, — саркастично поддакнула она, — в морг как раз сейчас и приехали бы. Точнее, нас бы привезли. Если от асфальта отскрести смогли бы.

— Вот тогда и не жалуйся, что опаздываем.

— Я не жалуюсь, я лишь констатирую факты.

Автобус оттормозился на очередной остановке. Здесь произошло необычное: салон вдруг начал наполняться людьми. И не двумя-тремя пассажирами, как до этого, нет, внутрь устремилось десятка два человек.

Все заходили через переднюю дверь, в порядке очереди оплачивая проезд водителю, чем серьезно задержали отправление дальше.

Света, наблюдая за всем этим, отпускала недовольные комментарии по поводу заминки.

Диму же куда больше занимали сами вошедшие — почему их нарисовалось так много? Строя догадки, он подметил одну деталь: вошедшие друг друга явно знали и общались настолько по-панибратски, что, казалось, состояли в одной компании. Однако в то же время эти люди представлялись слишком разными, чтобы так дружно контактировать.

К примеру, интеллигентный мужчина в возрасте в плаще и с портфелем совершенно незатейливо перебрасывался шуточками с рабочим в просаленной робе и одутловатым похмельным лицом, а над ними смеялась девушка в какой-то броской облегающей одежде. Тут же рядом терлась хамоватого вида бабка с огромной бородавкой на щеке, которая тоже хохотала с остальными. Все четверо стояли вместе и выглядели совершенно непринужденно.

Были и другие примеры — народу вошло много.

Другую странность Дмитрий выявил чуть позже — когда отъехали от остановки: почему-то вошедшие не занимали сидячих мест, хотя те имелись в достаточном количестве. Даже бабка с бородавкой, несмотря на почтенный возраст, не поторапливалась присесть.

Так все и ехали, стоя и болтая о своем.

Дима еще с некоторое время понаблюдал за остальными, а потом не удержался и решил поделиться обо всем с сестрой. Говорил он шепотом, хотя никто из вошедших на них внимания не обращал, словно и вовсе не замечая.

Светлана, вероятно, и сама озадаченная таким скоплением народа, выслушала, не перебивая. Однако соглашаться с его мнением не стала.

— Ты бы еще погуще туману навел, — насмешливо отозвалась она. — Странно, конечно, что они такой толпой набились, но автобуса ведь до этого долго не было. Мы и сами вон сколько прождали.

— А чего тогда никто не садится?

— Заведено у них так значит. Или не хотят. Скоро, наверное, им выходить. Быстрей бы мы уже приехали, опаздываем. Эй, извините, — она не стала ходить вокруг да около и решила спросить напрямую, обратившись к тому самому мужчине в плаще и портфелем. — Не подскажете, до конечной еще далеко?

Откликнулись не сразу — мужчина, точно не слыша, продолжал ворковать с девушкой в облегающей одежде. Светлане пришлось обратиться к нему повторно.

— Я говорю: до конечной сколько еще ехать? — уточнила Света, говоря громче и как можно более отчетливее.

Мужчина поправил очки и оглядел ее. Он был в очках с увеличивающими глаза линзами, левая из которых треснула.

— Скоро будем, — сухо ответил он.

Голос был гнусавый, со странной интонацией, будто его владелец был глухим и из-за своей глухоты слегка неправильно произносил слова.

Дима такое видел — к ним с соседней деревни навещался парень, который пару лет как оглох до этого. Тот хоть говорить и умел, но по причине того, что не слышал самого себя, со временем взялся выговаривать слова по-своему.

Вот и этот мужчина изъяснялся схоже. Но глухим он вряд ли являлся — общался же он как-то с остальными попутчиками.

— А не подскажете, куда все едут? — решила все разузнать Светлана. — Просто столько народу набилось. Праздник какой-то, что ли?

— Да-да, — мужчина запнулся, — кхм, праздник.

— И что за праздник?

— День подснежника, родная, — влезла в разговор девушка в облегающей одежде (у той тоже интонация была необычной, а голос звонкий и резкий).

Сказала и уставилась на Свету. Диме подумалось — девушка была выпившая. А затем, поглядев на остальных, он вдруг понял, что, похоже, тут все были выпившие.

И все стало на свои места: и неожиданное панибратство, и странные интонации. Они, наверное, были с одного села и теперь ехали в городок на праздник, для чего по старой доброй традиции немного приняли на дорожку.

— Спасибо, — поблагодарила девушку Света.

Та, однако, продолжала смотреть на нее, причем делала это в довольно вызывающей манере. Дима решил, что назревает конфликт, но затем мужчина с портфелем дотронулся до плеча знакомой, и она вернулась к беседе со своими попутчиками.

— Херня какая-то, — недобро пошептала Светлана.

— Да успокойся, они все выпивши.

— Что-то я сомневаюсь, — Света украдкой бросила взгляд на ту самую девушку. — Я пьяного человека за километр учую. Эти трезвые.

— Ага, — усмехнулся Дима, — прям за километр. Мы с твоим Владом как-то пришли навеселе, ты даже и не заметила ни фига.

— Когда это такое было?

— Да забей, — спасовал он, поняв, что чуть не сболтнул лишнего: Света не приветствовала, когда ее мужчина выпивал, и на то имелись веские причины.

— Вот и не умничай.

Он отвернулся, сделав вид, что смотрит на других пассажиров.

— Дак когда такое было? — через какое-то время опять возвратилась к теме Света.

Так просто отступать она не любила. И Дмитрий это слишком хорошо знал, поэтому и взял паузу, чтобы придумать какую-нибудь отговорку.

— Давно. Говорю же, забей.

— Забей? Это ты мне на что забить предлагаешь? — в голосе зазвучали нехорошие нотки. — Тебе напомнить, скольких трудов мне в последний раз стоило ему помочь? Забыл уже, да? Давай, выкладывай! Когда вы выпивши приходили?

— Да в позатом году было, — нехотя сознался он.

— Так-так, в позатом, значит, — ее взгляд не секунду сделался отвлеченным: она порылась в памяти, а затем вспомнила и укоризненно поглядела на своего брата. — А, ясненько! По весне. Ты в курсе, что он опосля два месяца не просыхал? Я ссаное белье меняла! Гоняла ему с утра за чекушкой, чтобы у него мотор не стопорнул! Ты ведь в курсе, да? Ах, нет? Ну да, действительно, откуда ты мог быть в курсе, когда со своей Иришкой, ой, прости, Ириной Борисовной, зажигал.

— Вот чего ты снова начинаешь? — Дима поймал на себе ее взгляд и сразу догадался, что тут нужно нечто большее, чем простые отмазки. — Вокруг вообще-то люди. Ты же не хочешь перед ними отношения выяснять?

— Я выяснять даже не начинала, — ей пришлось приложить усилия, чтобы говорить спокойнее. — Попозже с тобой еще обсудим эту тему. Когда приедем и дела решим. И долго нам еще тащиться?!

Из-за того, что была на взводе, последнюю свою фразу она произнесла куда громче. Но у окружающих брошенные ею слова заинтересованности не вызвали — те продолжали лепетать, как ни в чем не бывало.

А потом они добрались до города — даже через пыльные стекла сделалось видно, что нескончаемые поля сменились неплотной застройкой, где, судя по силуэтам, преобладали деревянные домики с покатыми крышами. Ближе к автовокзалу замелькали более массивные постройки — по-видимому, пятиэтажки.

Ничего, кроме этого, угадать в проносившемся пейзаже было невозможно, настолько грязные были стекла.

Дима постарался вытащить из памяти картины прошлого — в детстве он не единожды ездил этой же дорогой. Тогда город ему казался большим и красивым, утопающим в зелени. Сейчас, по весеннему времени, на зелень рассчитывать не приходилось.

Интересно, насколько изменилось все остальное? Прошло ведь больше десяти лет.

Света тоже повернулась к окошку и как будто тоже пыталась что-то разглядеть, но таким образом она, скорее всего, просто старалась отвлечь себя от нехороших мыслей — напоминания о Вадиме и о его слабости обычно вгоняли ее в тоску.

С другой стороны, она должна была радоваться — они все-таки прибыли в город. Теперь требовалось лишь дожидаться, когда автобус достигнет автовокзала. А от него оставалось только пройти парочку сотен метров к зданию суда, располагавшемуся неподалеку. Там заявиться на заседание, объяснить с судьей, показать документы (хотя их должны были приобщить к делу ранее), да выслушать приговор, который с высокой долей вероятности должен был разрешиться благополучно. И все.

Дело казалось плевым, однако поездка уже обозначилась некоторыми трудностями, поэтому Дима, зная характер сестры, подозревал, что так просто им все с рук не сойдет.

Светлана наверняка вяжется в пустяковый спор с судьей или выкинет еще какой-нибудь фокус. Она даже с водителем умудрилась устроить скандал, причем из-за совсем ерундового дела — подумаешь, неаккуратно сманеврировал мужик.

Да пока они ехали, на пути каждый второй лихачил и на встречную полосу выезжал. А тут человек вызвался помочь, специально гнал, чтобы они успели.

Словно подгадав мысли брата, Света оторвала взгляд от окна и воззрилась на него.

— Сколько времени? — как бы невзначай полюбопытствовала она. — У меня, кажись, не то с часами. Спешат.

— Десять минут третьего.

— А ну-ка покажи, — потребовала сестра и повернула экран его телефона к себе. — Какого черта?

— Что не так?

— У нас на три часа назначено, — Света нахмурилась. — Опаздываем. Да и вообще странно: когда твой болван высаживал, было десять часов дня, я специально сверялась. Не могли мы четыре с лишним часа шариться.

— Так мы автобуса долго ждали.

— Дай выйти, — она поднялась. — Спрошу у водителя, когда уже доедем.

— Уже приехали, — внезапно сказала девушка в облегающей одежде, которая, судя по всему, слышала их разговор.

Света уставилась на нее, не зная, верить той или нет, но автобус и вправду неожиданно сделал резкий вираж, а потом затормозил и остановился.

— Конечная! — крикнул водитель и все двери распахнулись.

Народ будто этого и дожидался: сразу повалил наружу. Задержалась только девушка в облегающей одежде — бросила на Свету с Димой прощальный взгляд, раздвинула губы в лукавой улыбке и проследовала за остальными.

Дождавшись, пока большая часть пассажиров покинет салон, вышли и Дима с сестрой, наконец-то очутившись на автовокзале. Как он сильно различался с той картинкой, которая отложилась в детских воспоминаниях!

Грубо говоря, пункт их назначения и автовокзалом назвать было нельзя — по сути, это была автостанция, о чем свидетельствовала соответствующая вывеска, размещенная на фасаде небольшого одноэтажного здания.

Совсем рядом возвышалась водонапорная башня из серого силикатного кирпича. На самом верху строители не поленились, раздобыли где-то красный кирпич и выложили надпись «1987».

— Провинция, — подытожила Света, оглядывая окрестности. — Ладно, пойдем. Нам вон туда.

— Подожди, — Дима замялся, — мне это... короче, в туалет надо.

— Началось, — закатила она глаза. — Давай только быстрее. На вокзале раньше вроде был туалет.

— Пойду проверю. Я быстро, — бросил он и засеменил к одноэтажному зданию.

Сестра, нервно притопывая ногой, осталась дожидаться снаружи.

Бело-синяя вывеска «Автостанция» располагалась прямо над входом. Распахнув скрипучие двери, Дмитрий вошел и попал в зал ожидания.

Это было мрачное и прохладное помещение, заставленное деревянными лавочками. Один из углов отдали под зимний сад — в кадках произрастали какие-то неизвестные ему растения с огромными кожистыми листьями. В свете редких ртутных ламп их цвет с фактурой преображались, напоминая теперь спины рептилий.

По стенам висели плакаты и информационные щиты. В дальнем конце ютилась стойка кассы. И там же проглядывала табличка с надписью «Туалеты».

Зал в основном пустовал — на лавочках Дима смог насчитать от силы нескольких человек. Это были какие-то сгорбившиеся старушки, не подававшие признаков жизни. Ему, молодому и пышущему жизненной энергией, они чудились мумиями.

Проходя, он нарочно просеменил мимо одной такой — бабуля и вправду не двигалась и, казалось, не дышала. Лицо ее было опущено вниз, а сама она так ссутулилась, что доставала лбом чуть ли не до колен. А еще от нее неприятно и резко пахло: каким-то нашатырем.

Поморщив нос, Дмитрий побыстрее оставил ее за спиной и подошел к кассе.

— Простите, — наклонился он над окошком, — мне бы в туалет попасть.

— А че ты ко мне ломишься? — моментально отреагировал женский голос на повышенных тонах (самой хозяйки голоса не наблюдалось, потому как через прорезь виднелось лишь пустое кресло и позади него несгораемый шкаф). — Это касса!

— Извините, — стушевался он. — А у кого насчет туалета спросить можно?

— Мозги включи, недоделанный! — после сказанного окошко захлопнулось.

Озадаченный, Дима отпрянул и огляделся. Рядом с надписью «Туалеты» имелся уходящий вглубь проход. Может, стоило заглянуть туда?

В итоге он попал в длинный темный коридор. Где-то впереди у стены сидел человек — к нему Дмитрий и направился: это оказалась дородная женщина с толстыми, будто колонны, ногами и огромной грудью. Она была облачена в старое засаленное платье в горошек.

Смущаясь и побаиваясь, что его снова пошлют куда подальше, Дима осторожно поинтересовался насчет уборной.

— Дык вот, — указали ему на близлежащую дверь. — Ток туалет платный. Видишь?

Она тыкнула пальцем в висящий на стене листок с ценой. Дмитрий вытащил из кармана несколько монет и протянул женщине. Та приняла деньги и показала жестами, что он может проходить.

За зеленой дверью, покрашенной так, что она вся была в потеках краски, обнаружилось куцее помещение, отделанное кафелем. И пол, и стены оказались выложены маленькими коричневыми плитками, многие из которых потрескались и раскололись.

Под потолком громоздились какие-то трубы, с которых постоянно капало. Имелось небольшое окно, забранное зачем-то решеткой. Подле него, словно три здоровых зуба в гнилом рту, виднелись относительно белые раковины.

Справа от входа — туалетные кабинки, целых две штуки. Располагались они на небольшом постаменте, но самым необычным являлось то, что высота этих кабинок не превышала полутора метров. То есть, если зайти и встать, верхняя часть посетителя оставалась видна.

Для чего это было сделано, Дима так и не понял, но, повинуясь зову природы, вознамерился справить свои дела.

Он зашел в первую кабинку: вместо привычного унитаза размещалась чаша Генуя. Бонусом к этому шли загаженный пол, помятое мусорное ведро и щедушный рулон туалетной бумаги, висевший на шнурке.

К счастью, Дмитрий явился по малой нужде и, желая как можно быстрее отсюда ретироваться, принялся ее справлять.

А затем, где-то на середине процесса, до его ушей вдруг донеслась серия звуков, и он осознал, что пребывал в туалете не один. Кажется, в соседней кабинке кто-то находился. Тогда Дима осторожно повернул голову и увидел мужчину. Тот сидел на корточках, и заметить его, не подходя вплотную, было сложно.

Боясь в столь щекотливый момент побеспокоить незнакомца, Дмитрий моментально отвернулся. Но через секунду до него дошло пугающее — судя по всему, сидевший рядом человек был голый.

Думая, что ему привиделось, Дмитрий снова бросил короткий взгляд и окончательно убедился — да, тот оказался гол. Более того, мужчина был необычайно толстым — он занимал

почти все место в кабинке. Его бледная кожа, собираясь в пышные складки, напоминала тесто, поднявшееся в кастрюле.

Раздался еще один громкий и протяжный звук, а затем по воде захлюпало. Потянуло крайне неприятным запахом. Сидевший закричал. Дмитрия он так и не заметил, да и, судя по звукам, ему было не до него.

Дима же, управившись, поспешил смыть за собой и выйти. В этот момент дверца кабинки предательски скрипнула, и сидевший заговорил — какие-то бессвязные слова, произнесенные будто с набитым ртом. И, похоже, в них было вложено нечто вроде угрозы.

Тогда же в щели между дверцей и полом показались ступни толстяка — тот не имел обуви: ноги были с желтыми уродливыми ногтями и вымазаны в грязи.

Поморщившись, Дмитрий как можно быстрее покинул помещение, забыв даже помыть руки.

Женщина у входа сидела как ни в чем не бывало. Она глянула на него с полнейшим равнодушием. Хотелось спросить у нее насчет толстяка, но он решил просто-напросто выкинуть этот момент из головы.

Автостанция ему решительно не понравилась, и Дмитрий покинул ее с превеликим удовольствием.

Когда вышел, втянул полной грудью воздух, рассчитывая, что неповторимый аромат весны, эта апрельская свежесть, выгонит из легких туалетные миазмы. Однако воздух был какой-то затхлый, бензиновый. С другой стороны — чего можно было ожидать от автостанции?

Света продолжала стоять там, где он ее оставил. Только теперь сложила руки на груди, что свидетельствовало о ее негодовании.

— Какого хрена так долго?! — выпалила она, когда он приблизился. — Время! Осталось пятнадцать минут! В темпе, в темпе!

И, не дожидаясь, пока он до нее дойдет, засемила прочь. Диме оставалось лишь пуститься вдогонку.

Чтобы добраться до суда, им предстояло перейти дорогу, а затем по небольшому переулку, засаженному тополями, пройти двести-триста метров. По идее, это не должно было занять много времени, и они вроде как успевали на заседание. Но Света все равно спешила, чуть ли не бежала.

Прохожих, несмотря на то, что сегодня был какой-то праздник, они не встретили. Да и машин по дороге не так чтобы густо проезжало — одна или две штуки.

Дима пристроился сестре в спину, чтобы лишний раз не попадаться ей на глаза, но та все равно умудрялась постоянно оборачиваться и подгонять его. Ему сильно хотелось обогнать ее и самому в отместку торопить, но так поступать не стоило — раздраженную сестру лучше было не злить.

Затем показалось здание суда. Достаточно неприметное — это был скучный кирпичный дом в три этажа. Перед строением росли в ряд несколько елей — одна большая и частично порывевшая, другая кривая, и лишь оставшиеся три выглядели относительно сносно. Между елями торчали два флагштока с потрепанными полотнищами. Ветра не было, поэтому флаги висели, будто плащи на вешалке.

Около крыльца виднелись вазоны с высаженными цветами и какой-то человек в инвалидной коляске. Кроме него больше никого. Когда он заметил то, подкручивая руками колеса, покатился навстречу.

В коляске восседал совсем не старый мужчина со слегка помятым лицом. На плечах — явно не по размеру пиджак, под которым угадывалась клетчатая рубашка. На ногах, точнее, на том, что от них осталось (они оканчивались чуть выше колен), — подвернутые штаны от костюма.

— Люди добрые! — возвал он, тщетно силясь придать голосу нужную интонацию. — Помогите, чем сможете, несчастному инвалиду! Лишился ног, а с ними и возможности зарабатывать! Дайте, сколько не жалко...

Светлана, насколько помнил Дмитрий, ужасно недолюбливала всевозможных попрошайек и всегда их отшивала, не стесняясь при этом в выражениях.

«Руки-ноги на месте? Так хрен ли побираешься?» — обычно заявляла она очередному просителю, после чего посылала.

В данном же случае ее фраза не совсем подходила (так как ноги у последнего отсутствовали), и Диме стало интересно, как она поведет себя на этот раз. Но ничего оригинального та не изобразила и попросту отмахнулась — в складывающихся обстоятельствах ей было не до пререканий.

Подобное поведение задело инвалида: тот, как только она прошла мимо, развернул свою коляску в ее сторону.

— Куда же ты, Светочка? — бросил он ей в спину, неожиданно назвав по имени.

Света притормозила и обернулась, старясь понять, кто к ней обратился.

Дима так же пригляделся к незнакомцу — раз тот знал сестру, то, вполне вероятно, они тоже были знакомы. Однако довольно быстро он понял, что перед ним предстал человек абсолютно ему незнакомый.

— Не узнаешь меня, Светочка? — инвалид подъехал ближе.

— Не узнаю.

— Как жалко, — зажав одну ноздрю, он смачно высморкался, а потом вытер руки об пиджак. — А я тебя помню. Хорошо помню.

— Ты кто такой? — нетерпеливо бросила она, начиная раздражаться.

— Семен, — он сделал паузу, рассчитывая, что собеседница что-то вспомнит.

— Не знаю я никаких Семенов. Дима, пойдем, у нас времени не осталось!

— Ах, это Дима... Младший брат, — инвалид посмотрел на него и слащаво улыбнулся. — Приятно познакомиться. Твоя сестра делает вид, что не помнит меня. А я ее помню. И помню, как она мелкой нам кое-что показывала. За угощения. Конфеты и шоколадки, которые мы покупали на утащенные у родителей деньги. Светочка, ты забыла, как мне посмотреть давала?

Света поменялась в лице — назревала буря.

— Другим пацанам ты тоже кое-что давала. Тоже не помнишь? — продолжал инвалид, нисколько не испугавшись или попросту не заметив перемен в ее настроении. — Вспоминай. Я знаю, ты можешь.

— Заткнись и перестань нести бред, — отчеканила она, скрипя зубами. — Нам нет дела до твоих бредней, говно безногое. Дима! Немедленно за мной!

Выпалив это, она развернулась и, уже не оборачиваясь, устремила к крыльцу. Дима, недолго думая, замельтешил следом.

— Она еще вспомнит! Спроси у нее получше! — проголосил вслед колясочник. — Передавай ей привет от Васьки-кадарки!

II. Ars Errandi

Брат с сестрой сидели на лавочке в небольшом уединенном сквере. Света, выудив со дна своей сумки пачку сигарет, закурила. Они были у нее какие-то совсем крепкие, с густым неприятным дымом.

Дима молча расположился рядом. Ему тоже хотелось покурить, но с собой сигареты он взять забыл. А может, Ирина специально из кармана вытащила — в последнее время его пассия активно боролась за то, чтобы он бросал дурную привычку.

Суд прошел удачно. Заседание длилось недолго и прошло без эксцессов. Возникла только небольшая заминка, из-за которой они сейчас и уединились в скверике.

— И зачем нам сегодня тащиться в деревню? — спросил Дмитрий, таращась на сигаретный дым. — Я этого никак не могу понять.

— Все ты можешь, — Света затынулась. — Тебя просто Иришка не отпустит. Ах, прости, Ирина Борисовна.

— Дело не в ней, — он откашлялся. — Просто не понимаю, к чему нам туда ехать, да и еще оставаться ночевать.

— Решение суда подготовят завтра. Я специально договорилась с судьей. Обычно его ждут неделями. Догоняешь? Завтра. Ты хочешь уехать, а потом снова сюда переться по новой за решением?

— Его разве нельзя выслать по почте?

— Можно, — она уставилась на дымящуюся в руке сигарету. — Правда, почта, как обычно, все потеряет. Или принесет через полгода.

— А ради чего в деревню ехать? Это километров тридцать отсюда, если не больше.

— И что? Вот ты где собрался ночевать?

— В гостинице. Должны же тут быть гостиницы. И вообще, почему обязательно ночевать? Уедем, а завтра приедем.

— Если тебе нехрен делать, как кататься туда-сюда, то у меня, в отличие от некоторых, на такое времени нет.

— А ты разве с этой поездкой в деревню не собираешься кататься туда-сюда? — ловко парировал он.

— Не собираюсь, — она замолчала и, поразмыслив, добавила. — Да и есть одно дельце.

— И какое же? Ты поэтому туда хочешь поехать?

— Да, поэтому.

— Так расскажи. Ты ведь и меня с собой пытаешься вытащить, я должен знать.

Она снова умолкла — было видно, что рассказывать ей не хотелось. Однако сомневалась Светлана недолго.

— Это из-за Вадима.

— А он тут причем?

— Притом, — она вздохнула, достала новую сигарету и прикурила ее от предыдущей, почти полностью дотлевшей. — У него опять началось.

Светлана, не глядя на брата, шелкнула наружной стороной указательного пальца по шее. Дима понял жест без лишних уточнений и поджал губы.

— Так, а причем тут деревня? — дав сестре прийти в себя, через какое-то время вернулся он к разговору.

— Деда нашего помнишь? — Света докурила вторую сигарету и метнула бычок в урну.

— И что?

— Он ведь одно время квасил не просыхая.

— Я тогда совсем маленький был.

— А я уже не такая маленькая и хорошо все запомнила. Да и бабушка мне потом рассказывала: она деда заговорила. Он пить бросил. И до самой смерти не употреблял больше.

— Как это заговорила?

— Приворотом.

— Приворотом? Это магия какая-то?

— Угу.

— Ладно, — Дима посмотрел на сестру с некоторым удивлением: он никак не ожидал, что она верит в подобные вещи. — Но зачем нам тащиться в деревню? Бабушка ведь умерла. И дед тоже.

— В доме книга осталась с приворотами. Я мелкая видела у нее.

— Подожди, — Дима заерзал на лавке. — Ты хочешь сказать, что мы с тобой поедem в деревню, чтобы забрать какую-то книгу заклинаний нашей бабушки и потом ты испробуешь на Вадиме приворот?

— Именно так, — она подняла на него глаза. — Кодироваться он не хочет, да и не сработает это, если человек без желания. А делать что-то надо.

— То есть ты считаешь, что какой-то там бабкин приворот сработает?

— Деду ведь помогло.

— Сомневаюсь. Что, если приворот не при чем, а он сам на силе воли вывез?

— Ты со мной поедешь или нет? — перебила его Света.

— Поеду, — буркнул он. — Лучше угости сигареткой. А то мои дома остались.

— Ага. У Иришки твоей они остались, — Светлана просветлела и полезла в сумку.

— Насчет Ирины, — Дима прикурил и выпустил облачко дыма. — Надо ей позвонить и сказать, что придется остаться с ночевкой. Под твою ответственность, кстати.

— Под мою ответственность, — кивнула Света.

Докурив, он отошел в сторону, чтобы позвонить Ире. Света же тоже времени не теряла и взялась набирать Вадиму, хотя надеяться на то, что он возьмет трубку, особо не приходилось.

Между тем из-за облаков на короткое время выглянуло апрельское солнце. Оно уже ощутимо пригревало, и в том же скверике снег остался только в некоторых местах под лавками, там, куда не могли еще дотянуться его лучи.

Волосы Светы (цветом, который она именовала «медовый») заиграли на свету. Она успела пять или шесть раз набрать номер, но Вадим не отвечал.

Дима же, судя по тому, что принялся выхаживать кругами, до своей второй половинки дозвонился. Оставалось уповать, она не устроит ему скандал и отпустит: как-никак он уже был в меру взрослым, и Ирина, как более возрастной человек, должна была понимать это.

Брат вернулся озадаченным.

— Прикинь, — хмыкнул он и сунул телефон во внутренний карман. — Она даже ничего против не сказала. Я ей объяснил, что мне надо остаться, чтобы второй раз не тащиться сюда и Ирина согласилась. Просто сказала «хорошо». Такого никогда не было.

— Она взрослая тетенька: видно поняла, что у тебя действительно серьезные дела, а не покатушки с сеструхой.

— Она не тетенька, не называй ее так, — полушутя пригрозил он пальцем, явно обрадованный, что его без проблем отпустили. — А ты до своего дозвонишься?

— Нет, не вышло. Потом попробую, — Света вздохнула. — В любом случае, ему сейчас не до меня.

— Может, он просто спит? — постарался поддержать Дима.

— Естественно, он спит! — огрызнулась она. — Он почти всегда спит, когда в загуле. Если проснется, то хлопнет сто грамм и снова спать. Спящая красавица, блин!

Светлана опять начала злиться, но смогла взять себя в руки. И раз все решилось, требовалось теперь определиться, как добраться до деревни.

Автобусы туда ходили, но крайне редко. Да и не до самой деревни, а до соседнего села, откуда предстояло еще топтать пару километров. По весенней распутице подобный вариант выглядел не самым оптимальным.

Поразмыслив, придумали попробовать доехать на такси. Местные водители вряд ли бы стали выставять большую сумму. Тогда же Дима припомнил, что видел около автостанции небольшую парковку, где торчали автомобили с шашечками.

Решили дойти до них, но прежде завернули в небольшой местный магазинчик и купили продуктов с питьем, а также на всякий случай парочку дешевых фонариков.

— Слушай, а что там тот парень на инвалидной коляске затирал? — выйдя с покупками, Дима вознамерился разузнать еще один интересовавший его вопрос.

— Вот у него и спроси, — сердито ответила Света.

— Как же я у него спрошу? Мы когда с заседания вышли, его уже не было, — посетовал он. — Расскажи, а? Ты что, правда там чего-то им показывала?

— Ты дурак? Ты кого слушаешь? Я знать не знаю этого придурка! И ничего никому не показывала!

— Почему же он назвал тебя по имени?

— Мне откуда знать? Может, застал, когда мы мелкие тут бывали. Ты его сам ведь видел: весь грязный, неухоженный. Еще и бухает, наверное. У него с головой проблемы, это точно. Вот и несет всякую пургу.

— А знаешь, он когда говорил, я вспомнил, что у нас с пацанами девчонка одна водилась, так она им кое-что показывала за яблоки.

— Это ты к чему? — нахмурилась Света.

— Да я просто вспомнил. Без намеков. Просто вспомнил.

— Чепуху всякую вспоминаешь.

К счастью, среди нескольких машин, запаркованных на пустыре между водонапорной башней и автостанцией, отыскалась одна с водителем. И он оказался тем, кто им требовался — таксистом. Был он, правда, южных кровей и на русском изъяснялся весьма примитивно.

Тем не менее, Светлана нашла с ним общий язык и даже умудрилась сторговаться в цене. Вышло совсем недорого.

Только вот дороги водитель не знал и попросил, если что, показать. Тут могли возникнуть сложности, поскольку ни Дима, ни Света в точности путь до деревни не помнили, имея представление лишь о направлении и примерном расстоянии.

Но, не став заморачиваться, решили выдвигаться. По подсчетам, до захода солнца у них оставалось не так много времени, и хотелось бы оказаться в доме прежде, чем стемнеет.

Водитель оказался довольно лихим малым. Но поскольку на дорогах было совсем мало транспорта, опасность аварийных ситуаций снизилась. Наверное, именно поэтому Света вела себя сдержанно и, в отличие от прошлого раза, не орала и не просила высадить. Южный человек между тем, похоже, заскучал от столь скучной езды и принялся общаться со своими пассажирами.

Говорил по-русски он плохо, а понимал еще хуже, однако из его тарабарщины удалось кое-что почерпнуть.

Например, праздник в городе был намечен не на сегодняшний день, а на завтрашний. Руслан (так назвал себя водитель), звал приезжать в городской сад — там должны были жарить шашлыки и всех угощать. Планировалась и некая культурная программа, или, как выразился их собеседник «концерт».

Диме Руслан не понравился — тот общался слишком назойливо. Говорил практически без умолку. Вот только понять из сказанного можно было от силы десятую часть. Складывалось впечатление, что он так тараторил нарочно, не давая Диме со Светой разговориться друг с другом.

И все же, несмотря на некоторый дискомфорт, они неумолимо приближались к деревне. Миновав город, выбрались на трассу, а оттуда свернули на проселочную дорогу. Тут возникли некоторые сложности из-за весенней распутицы.

Замызганная машина с трудом справлялась, штурмуя местные хляби и на очередном километре застряла. Пришлось Диме выходить и толкать, чтобы выбраться из ловушки. Они смогли проехать дальше, но совсем скоро дорога превратилась в сплошную кашу — передвижение по ней сделалось невозможным.

Руслан наотрез отказался пытаться преодолеть это препятствие и, взяв деньги, покатиł обратно. Сестра с братом, забрав вещи из салона, остались один на один посреди поля.

— Не везет нам сегодня с водителями, — Светлана поправила сумку и начала вглядываться вдаль: по идее, где-то на противоположном краю поля и стояла деревня бабушки.

— Ты хотя бы не послала этого к такой-то матери.

— Он сам нас послал. А еще джигит называется.

— Тут бы никто не проехал, — Дима двинул подбородком в сторону огромной лужи, почти полностью перекрывшей разбитую распутицей дорогу.

— Ладно, хотя бы до сюда доехали, — резюмировала Светлана и шагала, огибая лужу.

Брат, взявшись руками за лямки рюкзака, двинулся за ней.

Погода им благоволила — снова выглянуло солнце. Ветра не было. Для полной идиллии не хватало лишь весенних запахов: оттаявшей земли, прошлогодней травы. Но, к сожалению, вокруг пахло исключительно чем-то прогоркло-горелым.

Поверхность поля окончательно освободилась от снежного покрова и вся была застелена бледно-желтым ковром. Дима обратил внимание, что нигде не пробивалась зелень, хотя уже стояла вторая половина апреля. Может, просто это поле было какое-то не такое?

Он развернулся вокруг своей оси, стараясь оглядеть его полностью. С одного края вдалеке угадывалась окаемка леса. С другого, как раз туда, куда они направлялись, виднелись крыши домов и редкие высокие деревья — кажется, это и была бабушкина деревня.

Идти было тяжело — вездесущая грязь налипала на обувь, и как они не старались обойти ее, все равно умудрялись вляпаться.

Света первое время вздыхала, расстроено глядя на запачканные кроссовки, но потом приняла неизбежное. Дмитрий, по совету Иры, предусмотрительно нацепил старые ботинки и насчет грязи особо не волновался.

— Дим, глянь, чего нашла, — в какой-то момент позвала его сестра, как раз после того, как они пересекли очередную широкую лужу.

Дима нагнал Свету и увидел следы на дороге: множество отпечатков копыт, выглядящих как две заостренные дольки с узкой щелью между ними.

— Чего их так много? — не понял он.

— А ты сам подумай, — она покачала головой, как бы подчеркивая, что догадаться не так уж и сложно. — Это деревенские кого-то пастись выпускали. Видишь, следы с поля ведут. По-моему, это коровьи следы, вон, какие большие.

— Это не коровьи, а козьи, — передразнивая, Дима тоже покачал головой. — Присмотришься, сзади каждого следа есть след от задних копытц. И пастись их не водили.

— С чего ты так решил?

— На поле нет свежей травы, только высохшая прошлогодняя. Рано еще животных выпускать.

— Слышь, следопыт недоделанный, — Света капитулировала, — пойдем уже, а. Тоже мне, умник нашелся.

Они продолжили путь через весеннюю распутицу. Дима, увлеченный, шел и постоянно всматривался в грязь. Отпечатков и вправду насчитывалось изрядное количество. Конечно, как пошутила Света, он не был следопытом, но чуть-чуть в этом разбирался.

Да и козы следы ему были отлично известны — еще в детстве он иногда ходил на пастбище с Сашкой Репиным, который был местным и подрабатывал пастушком. Дима составлял ему компанию и они уводили коз на дальние поляны, где по соседству произрастал малинник с самыми вкусными ягодами на свете.

Поэтому отпечатки коз он мог распознать легко. И на глаза им попались именно они. Вот только Сашка Репин пас мелких козочек, а тут, судя по размерам, козы были взрослые.

Интересно, кому понадобилось содержать столько коз? И для чего их вели по полю? Может, кто-то их продал, и таким образом животных перегоняли новому покупателю?

Дима все шел и гадал, тем более от скуки все равно делать было нечего. Деревня, казавшаяся не такой уж и далекой, на деле оказалась ох как далеко.

Света, пока они тащились, достала трубку и снова попыталась дозвониться до Вадима. Тот не отвечал. С каждым неотвеченным вызовом она начинала злиться все больше и больше, беспрестанно ругаясь на несчастный телефон.

— А ты не думаешь, что так батарею посадишь? — намекнул Дима, которому надоело наблюдать за бесполезными попытками.

— Твое какое дело? У меня зарядка с собой есть. Надо будет — заряджу.

— Уверена, что в деревне свет есть? — Дима нагнал ее и пошел вровень. — Слушай, чего ты паришься? Не берет и не берет. Значит, спит. Пускай спит. Ты только себя зря накручиваешь. Мы сейчас сгоняем до деревни, найдем бабушкину книгу, приворот нужный и заколдуешь своего Вадика. Все хорошо будет.

— А если с ним что-то случилось?

— Что, например? — Дима легкомысленно ухмыльнулся. — Ничего с ним не случится. Если могло бы, то случилось бы раньше.

— А его матери позвоню, вот что, — Света воодушевилась и полезла в телефон.

Однако никакого разговора не вышло — она несколько раз набирала номер, но ей никто не отвечал.

— Дай свой телефон, — остановившись, попросила она.

— Зачем?

— Попробую с него дозвониться.

— Если она с твоего не берет, почему с моего должна взять?

— Потому что, — Светлана замялась. — Короче, она может и не взять с моего.

— Почему?

— Мы поссорились. Слегка.

— Из-за Вадима?

— Нет, блин, из-за истончения озонового слоя на Антарктикой. Ты телефон мне дашь позвонить?

Он выудил из кармана свою трубку и протянул ей. Света спешно набрала нужные цифры. Но и с его номера ей не ответили. Молча вернув телефон, она зашагала дальше, ступая в грязь тяжелой поступью.

Дима вздохнул и последовал за сестрой. К тому моменту деревня не казалась такой отдаленной.

На подступах дорога сделалась суше. Многочисленные козы следы уже не так явно читались, но было понятно, что тянутся они напрямиком из поселения.

Повеяло новыми ароматами — например, жареным мясом. Вероятно, кто-то готовил шашлык, что было совсем не удивительно, ведь погода располагала к подобным посиделкам — по-прежнему светило солнце и было безветренно.

Дима внюхивался и понимал, что проголодался. В предыдущий раз он ел еще дома: Ирина накануне сварганила для него борщ. Нынче же ни о каком борще мечтать не приходилось — в магазине они купили дешевых полуфабрикатов и консервов.

На голодный желудок ему представилось, что шашлык готовил кто-то из друзей детства — в таком случае можно было рассчитывать на угощение. Однако, сколько Дмитрий ни вглядывался в маячившие впереди домики, никакого присутствия человека приметить не удалось.

Света, шедшая первой, если и чуяла запах шашлыков, по этому поводу не высказывалась. Скорее всего, ее мысли были заняты совсем другим.

А потом они наконец-то добрались до первых построек. Те выглядели покинутыми — кое-где были разбиты стекла, да так и не заделаны. Заваленные участки забора не ремонтировались.

Полегшие заросли травы вокруг домов тоже говорили в пользу того, что там никто не жил, иначе ее бы убрали, чтобы не случилось случайного пожара. По крайней мере, в детстве дед заставлял оттаскивать в компостную яму накошенное около стен.

Висела звенящая тишина: ничто не выдавало наличие людей. Если бы таковые имелись, наверняка до ушей донеслось бы хоть какое-то свидетельство их деятельности — в деревне всегда кто-то шумел, потому как и дел имелось невпроворот.

«Вести хозяйство хлопотно, это вам не мамкину титьку сосать», — любил напоминать им дед, когда они жаловались.

Дима и Света шли между дворами и глядели во все глаза. Да, вне всяких сомнений, это была деревня их бабушки, та самая, где они проводили летние каникулы.

Однако нынешняя картина резко разнилась с той, которая была нарисована их детскими воспоминаниями. То был живой мир, наполненный приключениями, весельем и друзьями, а ныне перед ним предстали какие-то блеклые осколки, пустая оболочка с вычерпнутым содержанием.

Брат с сестрой нахмурились, насторожились. Что ожидать от этого нового мира, было решительно непонятно. Это пугало и расстраивало.

— Мы когда в прошлый раз с Вадимом сюда приезжали, тут было как-то по-другому, — призналась Света, почему-то говоря вполголоса.

— Вот тогда тебе и надо было ту книжку забрать, — посетовал Дима, которому нынешнее положение дел стремительно переставало нравиться.

— Не умничай. Куда все делись?

— А вы когда с Вадимом сюда приезжали?

— Года два назад, когда бабушка померла. Это ты, хитрец, отмазался, а мне пришлось всем заниматься самой.

— Я не отмазывался, — запротестовал Дмитрий, почему-то тоже начав общаться полупшепотом. — Я был занят на работе.

— Так был занят, что даже к родной бабушке не приехал, — пристыдила она его, но затем смягчилась: в такой давящей обстановке было не до споров. — Ладно, может, и хорошо, что не приехал. Ее все равно в закрытом гробу хоронили, там прощаться было не с кем.

— Почему в закрытом? — встревожился Дима. — Ты мне об это не рассказывала.

— Много будешь знать, скоро состаришься. А как ее в открытом хоронить, когда она на жаре в доме пролежала несколько дней? Там кисель от человека остался, как мне говорили.

— В том доме? — Дима остановился. — И ты сейчас только об этом говоришь?

— А ты что думал? Она в чистом поле, по-твоему, померла?

— Нам же там ночевать! Черт! Сначала дома эти заброшенные, а теперь еще и мертвая бабушка в доме!

— Да не бойсь, — Света хлопнула его по плечу, приободряя. — В ту комнату, где она умерла, заходить не будем, закроем ее. Соберись, ты же мужик.

— Бу-бу-бу. О, как заговорила, — собезьянничал Дима.

— Хватит! Пошли, а то торчим тут... на виду, — шикнула она.

— Скажи, а еще какие-нибудь сюрпризы будут? Может, ты мне еще чего-нибудь недоговорила?

— Все, что тебе надо знать, ты знаешь.

Они двинулись по пустой деревенской улочке вглубь. После первой линии последующие постройки имели не столь запущенный вид, однако и те являлись брошенными. Пускай окна и заборы представляли целыми, но распахнутые настежь калитки говорили сами за себя.

Помимо людей отсутствовала и всякая живность. Обычно по весне просыпалась природа: начинали петь птицы, выползали насекомые. Но в деревне (впрочем, как и в поле) молчали птицы, не жужжали жуки, не порхали бабочки. Более того, не лаяли даже собаки, которых все деревенские держали в обязательном порядке.

Кроме козых следов, угадать присутствие какой-либо живности было невозможно.

Между тем с этими следами наблюдалась некая странность: хоть и не так явно, они все еще угадывались на земле, и почему-то складывалось впечатление, что от каждого двора тянулась пара штук, которая затем выводила на уличную дорогу. Будто хозяева коз разом решили вывести всех на прогулку. Но ни коз, ни их хозяев в деревне не было.

— Это, наверное, дикие козы. Шляются везде, а на огородах что-нибудь находят и жрут, — предположила Света, когда Дима обратил на это ее внимание.

— Мне теперь уже кажется, что это никакие не козы, — процедил он и далее сохранял молчание, пока они не вышли к бабушкиному дому.

Тот смотрелся удручающе. Дмитрий с сожалением для себя отметил, что и в этом случае нынешняя реальность и детская картинка, оставшаяся в памяти, сильно отличались. С другой стороны, с тех пор прошло больше десяти лет, и рассчитывать на то, что ничего не изменилось, было глупо.

Бревенчатый дом выглядел не лучшим образом. Забор, некогда ограждавший палисадник, покосился и если бы не сорняки, росшие вдоль него, наверняка уже лежал на земле. От самого палисадника ничего не осталось — возвышавшуюся когда-то вишню спилили, и остался только пенек. Цветы, те самые цветы из детства, что благоухали, приманивая пчел и бабочек, исчезли.

Фасад дома, весь в облупившейся и облезшей краске, немного покосился. Два окна, словно глаза мертвеца, зияли бельмами — стекла помутнели, покрылись пылью, а с той стороны их зачем-то заклеили газетами.

Света остановилась напротив.

— Здравствуй, малая родина, — опечаленным голосом поприветствовала она.

— Это точно он? — засомневался Дмитрий.

— А ты что забыл? Конечно, он. Только видишь, забросили мы его. Надеюсь, внутри ничего не тронули, а то такие дома любит обносить ворье. У бабули много всякого интересного хранилось.

Дима ничего не ответил, но про себя чертыхнулся — это надо было согласиться остаться с ночевкой в такой развалине! Он ведь и не подумал, что на улице апрель, ночами прохладно. Не прикинул, что, скорее всего, дом заброшен, раз бабушка померла и там некому жить. А как они будут возвращаться назад? На автобусе? Вызовут такси?

Но что-либо менять было поздно.

— Эй, — прервала поток нахлынувших мыслей сестра. — Пойдем, поможешь открыть, а то в прошлый раз заело.

Крыльцо с входной дверью было расположено сбоку. До него вела выложенная из битой плитки тропинка, которая еще не успела зарастить полностью.

Поднявшись по гуляющим ступенькам, которые так трещали, что, казалось, вот-вот сломаются, они занялись дверью. На ней болтался здоровенный и основательно проржавевший навесной замок. Дима возился с ним минут десять.

Вошли в сени. Почти все свободное пространство было заставлено всевозможной утварью, покрывшейся пылью. Пахло затхлым, а воздух был влажен и холоден.

Протиснувшись сквозь завалы, они добрались до двери, ведущей в жилую часть. Тут тоже пришлось напрячься с замком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.